

Наш двор¹

(Повесть)

По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья.

...Государственному Комитету Обороне... срочно произвести переселение всех немцев Поволжья...

(Из Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года)

1. Папин след

Дождь уже давно кончился, и мне хочется на улицу. Хайнчик, наверно, уже на улице. И Карлуша, наверно, там. И Эльза. Мне дома скучно, но выйти, наверно, нехорошо, ведь и другим хочется, а не выходят. Это мы из-за папы. Он сидит за столом, положил на него руки и смотрит на них. Он давно уже так сидит. Мама сидит напротив и тоже смотрит на папины руки. Арно устроился у печки. Он сидит к столу боком, опустил голову и смотрит как будто на пол. Но я-то вижу, что он незаметно смотрит на папу. Посмотрит и опять опустит глаза, только волосы на макушке у него вверх торчат. А Мария все нянчит свою тряпочную куклу с фиолетовыми глазами, которые сама нарисовала ей химическим карандашом, когда мы еще дома жили.

Мне все хорошо видно, потому что свой чурбачок я откатил к окну, залез на него и смотрю то на улицу, то в комнату.

У нас у каждого свой чурбачок. Это дедушка Семеныч, который с нами рядом живет, напилел нам. Я люблю свой чурбачок. Он у меня уже гладкий-гладкий стал. Это потому, что я на нем все время елзюю и последние штаны протираю...

Я смотрю в окно. Там в одном месте даже солнышко уже вышло.

- Солнышко вышло, - говорю я.

- Помолчи, Фрицик, - говорит мама.

Я вздыхаю. Мама никогда ничего не говорит зря, значит, мне надо молчать. И сидеть дома.

Мой папа уезжает сегодня далеко-далеко, в какую-то деревню. И Володин папа туда едет, и Карлушин папа, и Эльзин папа. И у всех ребят, которых я знаю, папы едут сегодня в далекую деревню. Только у Отто папа не едет - у него папа на фронте. И у всех русских ребят папы на фронте.

Наши папы едут работать. Там, наверно, много-много работы, вон сколько их едет. Правда, у нас в деревне тоже много работы, потому что, когда мы просыпаемся утром, папы никогда уже нету дома, а приходит он, только когда мама задвигает табуреткой окно, чтобы с улицы не было видно, как мы садимся ужинать.

А еще в той деревне, куда едет папа, наверно, много-много детей, потому что мой папа учитель и он сказал: «Там все будут нужны...» Значит, там и учитель будет нужен, и мой папа будет там детей учить.

¹ Первые публикации: на немецком языке – альманах «Heimatliche Weiten» 1984/1 (М., изд-во «Правда»); на эстонском языке – 1987 (Tallinn, „Perioodika“, 46); на русском языке – сборник советской немецкой прозы «Отчий дом», 1989 (М., Советский писатель).

Эльзин папа тоже учитель. Только он не такой учитель, как мой папа. Мой папа - учитель русского языка, и он может разговаривать в деревне со всеми, даже с хромым председателем, который на двухколесной тележке ездит.

Мы тоже умеем разговаривать по-русски, потому что когда мы еще дома жили, то мы один день разговаривали по-немецки, а другой день по-русски. А здесь мы делаем не так. Здесь мы с мамой говорим по-немецки, а с папой по-русски. И с соседями мы тоже разговариваем по-русски, потому что они не понимают по-немецки. Вот только дедушка Семеныч смеется всегда, когда я говорю с ним по-русски. Он меня даже передразнивает, как маленький. Но я не обижаюсь на него. Я тогда начинаю говорить с ним по-немецки, и он ничего-ничего не понимает. Тогда и я над ним смеюсь. Но он тоже не обижается. Он тогда говорит:

- Ну ладно, Федька, не буду больше дразниться. Иди, так и быть, потеряй мне бороду.

Я люблю теревить дедушки Семеныча бороду, она у него большая, и я всегда в ней что-нибудь нахожу: то травинку, то ниточку, а раз даже укололся - там маленькая щепочка была. Только я не люблю, когда он меня Федькой зовет. Я ему тогда говорю, что меня зовут Фрицик, а по-взрослому Фриц, или Фридрих, как моего папу. А когда я вырасту, говорю я ему, меня, как и моего папу, будут звать Фридрих Карлович. Но дедушка Семеныч тогда опять смеется.

На улице кто-то кричит. Я выглядываю в окно.

- Подводы едут! - соскакиваю я с чурбачка.

Папа встает. И мама тоже встает. Она говорит мне:

- Скорей, Фрицик, надень, ботинки.

Мама торопит меня. Она даже помогает мне.

В дверь кто-то стучит. Входит Карлушин папа.

- Здравствуйте, - говорит он. - Учитель, вас ждут.

Все взрослые называют папу учитель и говорят ему «вы». А ребята, с которыми Арно учился в школе, называют папу Фридрих Карлович. И все русские называют его Фридрих Карлович. Когда я спросил маму, почему взрослые называют папу учитель, она сказала, что раньше дома всегда так обращались к учителям, поэтому и сейчас так, говорят. А когда раньше? Когда меня еще на свете не было, говорит мама. А когда меня на свете не было? Это мама не может мне объяснить; наверно, этого она сама не знает.

Мой папа надевает свое длинное пальто, которым мама всегда укрывает меня с Арно на ночь, берет шапку и узел и подходит к двери. Он осматривает еще раз всю комнату, наверно, чтобы что-нибудь не забыть, смотрит на нас и говорит:

- Ну, пошли.

На улице грязно. На дороге стоит несколько подвод. На них сидят дяди. Они смотрят на нас. Они ждут моего папу.

Вокруг подвод стоят тети и ребятки. Они тоже смотрят на нас.

Мой папа идет по дорожке около нашего дома. На дорожке чистый песок. Это папа насыпал его сюда, чтобы не ходить по грязи. Песок на дорожке мокрый.

На углу папа сходит с дорожки, прямо на размокшую землю. Он пропускает вперед Карлушиного папу, и тот идет к подводам.

Папа не хочет, чтобы мы шли дальше. Он поворачивается к Арно и протягивает ему руку. Арно тоже протягивает ему руку - Арно уже большой, у него есть красный галстук.

- Ну, сын, до свиданья, - говорит папа. - Помни, о чем мы говорили. Ты теперь один в доме мужчина.

- Я все буду делать, - говорит Арно, не поднимая головы.

Мой папа обнимает Арно. Нет, он только прижимает голову Арно к своему пальто чуть повыше кармана. Потому что Арно хоть и большой, но маленький, а папа вон какой высокий. Папа стоит совсем прямой, только наклонил голову. Он приглаживает Арно волосы на макушке, потом кладет ему руку на плечо.

- До свиданья, - говорит он. - Я надеюсь на тебя.

Арно глядит вниз и кивает. Он отходит от папы. На глазах у него слезы. Он отворачивается от меня, но я все равно видел, и вечером я его буду дразнить: стыдно, такой большой, а плачет.

А Мария тоже: еще к папе не успела подойти, как уже разревелась. Даже и не стесняется нисколько, ведь скоро в школу пойдет. Ох и достанется им сегодня от меня!

Папа целует ее прямо в мокрую щеку.

Теперь он поворачивается ко мне. Мама подталкивает меня к нему. Я иду прямо в его вытянутые руки. Мой папа поднимает меня высоко-высоко, так что его лицо прямо передо мной.

- Обними меня, сыночек, - тихо говорит папа. Я люблю обнимать папу. Я обхватываю его шею руками и тяну изо всех сил к себе. Подбородок у папы немножко колючий, и мне приятно. Я не отпускаю его, я жду, когда папа скажет: «Ой, ой, отпусти меня, а то ты совсем меня задушишь!»

Но папа ничего не говорит. Может, я его уже задушил? Я отпускаю его и смотрю, живой он еще или нет. Две слезы катятся вниз по его щекам. Это, наверно, Марийкины слезы. Сначала они большие, потом они опускаются все ниже и становятся все меньше. Это потому, что из них на щеках делаются блестящие дорожки. Когда дорожки доходят почти до рта, слезы быстро расходятся в стороны: у папы вокруг рта две глубокие морщинки, и слезы никак не могут из них выбраться.

Я разглаживаю пальцем морщинку. Одна слеза подходит к моему пальцу. Я веду пальцем прямо вниз, и слеза идет тоже прямо вниз, как капля на стекле окошка, когда на улице холодно, а в доме тепло.

Папа целует меня в обе щеки. Я не люблю, когда меня целуют: я ведь не девчонка, я ведь красным командиром буду, как мой дедушка. Я вытираю ладошкой щеки и говорю:

- Папа, ты привези мне верблюдика. Такого, серебристого, на елку которого вешать.

Но папа ничего не отвечает. Он только придавливает меня к себе так, что я чуть не ойкаю. Может, папа меня не расслышал?

- Папа, верблюдика, такого, как Мария потеряла.

- Ладно, сыночек, ладно, - опять совсем тихо говорит папа.

Но он говорит это так, как говорила бабушка, когда хотела, чтобы я не приставал к ней. О серебристом верблюдице так не говорят.

- Такого, с двумя горбиками... - показываю я согнутыми ладошками.

Папа опускает меня на землю.

К нему подходит мама. Ну вот, и она тоже плачет! Правда, не очень громко, но ведь на дороге могут услышать, и тогда будет стыдно. Она уткнулась лицом папе в грудь, обхватила его и гладит пальто у него на спине. Может, ей жалко пальто, потому что нас с Арно теперь нечем будет на ночь укрывать?

- Пора, - говорит папа и немного отодвигает от себя маму. - Не беспокойся. Все будет хорошо. Мы докажем, что это не так, - говорит он. - Любой ценой. Это надо. Хотя бы для них, - папа кивает в нашу с Марийкой и Арно сторону. Он еще раз смотрит на всех нас. - Пора. До свиданья.

Большими шагами папа идет к подводам.

Там уже много людей. Но из дворов все выходят тети и дети. Наверно, они пойдут за подводами до конца деревни. Я тоже хочу пойти за подводами до конца деревни, но меня не пускают. Мы остаемся стоять возле дома и смотрим на дорогу.

Вот папа залез на подводу. Подводы тронулись, заскрипели. Все пошли за ними. Многие плачут, а мы машем папе руками. Но папа не смотрит в нашу сторону, а потом его уже не видно.

На другой день я иду гулять. Я надеваю рукавички, потому что стало холодно. Везде, где вчера были лужи, сегодня лед. Лед тонкий и белый, и, когда по нему ударишь каблуком, он ломается, а под ним, оказывается, ничего нет. Куда же делась вода? Ведь вверх она не могла уйти, там лед, а снизу земля замерзла-замерзла и тоже не пропустит воду. Я даже гвоздиком не могу проделать дырочки в земле.

Дорога вся неровная, и как проезжали здесь на лошадях, так все и застыло. По ней лучше не ходить - все время спотыкаешься.

Я иду домой. На углу дома около дорожки я замечаю большой след. Это же папин след! Это же папа стоял здесь вчера! След замерз и такой, будто папа только что сошел с этого места. Я осторожно вставляю в папин след мой ботинок и пробую, хорошо ли замерзло. След твердый.

Я бегу домой. Я никому ничего не говорю про след. Я только боюсь, как бы он не растаял. Вечером я спрашиваю маму:

- А завтра не будет тепло?

- Наверное, нет, сынок, - говорит мама, - Что-то ветер такой холодный дует. Ты не ходи зря на улицу.

Я не хожу зря на улицу. Там и правда все время холодно. Я выхожу на улицу, только чтобы посмотреть папин след. Папин след замерз крепко-крепко, и внутри у него по краю белая полоска. Может, кто-то там мелом провел? Я знаю, что такое мел. Мел - это такой брусочек, которым в школе пишут. Когда мы жили еще дома, у нас был мел, и Марийка писала мне буквы на крыльце. Марийка умеет писать буквы. Ее папа научил. Он ее и в школу с собой брал.

Марийка тогда исписала все крыльцо. Потом вышла мама и сказала, что писать уже хватит и надо стереть с доски. Марийка намочила тряпку и стала стирать буквы со всех досок. Я сказал ей, что мама сказала, чтобы она стерла только с одной доски, а не со всех, а Марийка сказала мне, что все крыльцо - это доска. Она стерла буквы, но все равно их еще немножко было видно. Ей пришлось вымыть крыльцо.

Я пробую кончиком пальца белую полоску в папином следе. Под пальцем сразу показывается черная земля, а кончик пальца становится мокрым. Нет, это, наверно, не мел. Я не буду стирать всю полоску, пусть так останется, так красивее.

На улице мороз. Папиному следу, наверно, холодно. Я выдергиваю из крыши сарая немного соломы и укрываю папин след. На следующее утро соломы на следе нет. Это ветер сдул ее.

В сарае я видел старую тряпку. Я вытряхиваю из нее пыль и стелю на папин след. Чтобы ветер не сдул тряпку, я кладу на нее по краям камни. Теперь папиному следу будет тепло.

Вечером мама спрашивает: кто это натаскал камней под окно? Я говорю, что я — я там играю.

Ночью выпал снег. Снег выпал и на тряпку. Я убираю камни, стряхиваю с тряпки снег и снова стелю ее.

Вечером мама говорит:

- Слава богу, снег пошел. Побольше бы навалило, а то земля вся промерзнет.

- Разве под снегом ей будет тепло? - спрашиваю я.

- Под снегом ей будет тепло, - говорит мама.

Я не понимаю, как под холодным снегом может быть тепло, но раз мама говорит, то это, наверно, так. Мама и раньше иногда говорила такое, что я не понимал, а потом, когда я проверял, всегда было так, как она говорила.

Больше я не стряхиваю снег с тряпки. Пусть на папин след нанесет много-много снегу, чтобы ему было тепло.

Мама на работе. Арно тоже на работе - он возит с поля на санях свеклу. Все большие ребята в деревне возят с поля свеклу.

Свекла лежит на поле в большой куче, как наш дом. Всю кучу занесло снегом, и получилась снежная гора. К этой горе прибегают зайцы. Они наедятся свеклы, потом залезают на гору и катятся вниз. Арно видит их каждый день.

Я зайцев не видел и не знаю, как они катаются с горы, если у них нет санок или старого мешка, на который можно садиться. Может, у них такие загнутые доски, как у дедушки

Семеныча? Эти доски называются лыжи, и дедушка Семеныч привязывает их к валенкам. Но Арно говорит, что у зайцев нет ни лыж, ни валенок.

Каждый день Арно получает за работу две большие свеклы. Мы печем свеклы в печке, и тогда они вкусные-вкусные. Одной свеклы хватает нам всем раз поесть.

На обед мама оставляет нам с Марийкой полсвеклы. Мы не можем съесть сразу столько, но к вечеру съедаем всё.

Мы только что пообедали с Марийкой. Она сидит на печке, вяжет носок. Наверно, она уже намного обогнала меня. Ну и пусть. Мне надоело вязать. Если бы эти носки были для нас, то я бы тоже вязал, а то мама все равно отнесет их кому-нибудь. Не хочу я вязать, я устал. У меня поясницу ломит, вот. Я даже во сне всё вяжу и вяжу, и петли ползут и ползут по спицам, и их так много, что они ползут весь сон. Марийка меня во сне всегда обгоняет, а стоит мне заторопиться, как все петли сразу сползают со спиц и никак не даются, чтобы их снова набрать. Я тогда кричу и просыпаюсь.

Марийка что-то ничего не говорит мне. Наверно, она хочет, чтобы я подольше не вязал. Тогда она первая закончит носок.

Нет, у меня поясница не болит. Это я пошутил. Это только ленивые так говорят. Я не ленивый. Я только хотел бы поиграть немножко, да не с кем. Ладно, сейчас я посмотрю еще чуточку в окно, а потом буду опять вязать.

Я дышу на стекло, пока там не появляется светлый кружочек. Я смотрю в этот кружочек. Под окном большой-большой сугроб. Он даже немножко окно закрыл — край стекла внизу темный. Теперь папиному следу, наверно, тепло.

На улице все бело, и солнце светит ярко-ярко. Хорошо, что кружочек на стекле маленький и можно смотреть только одним глазом. А то если бы сразу двумя глазами посмотреть, можно, наверно, ослепнуть.

На улице никого нет. Там всегда никого нет. Все ребятишки сидят дома.

Я смотрю туда, где живет Эльза. Там кто-то идет по улице. Это тетя Даша, которая носит письма. Она проходит мимо Эльзино дома. Она всегда заходит в дома только к русским. После этого некоторые тети ходят в черных платках. Может, тетя Даша разносит черные платки? Наверно, их русские папы с фронта присылают.

Хорошо, если бы и мой папа прислал маме черный платок. У мамы платок уже совсем старый.

Тетя Даша поравнялась с нашим домом. Она открывает сумку, смотрит в нее и идет прямо к нашему дому.

- Ты принесла маме черный платок? - спрашиваю я тетю Дашу, когда она заходит к нам.

- Какой еще платок? - говорит она. - Я принесла вам письмо от папы. Пляшите!

Письмо от папы! Может, папа прислал мне и верблюдика? Вот было бы здорово!

Марийка поет по-немецки частушку и пляшет. Я прыгаю высоко-высоко!

Письмо мы не открываем. Пусть все придут домой, тогда мама прочитает его вслух. Мы залезаем на печку и вяжем дальше. Мы хотим закончить носки, пока мама придет. Она нас похвалит, а завтра отнесет носки в сельсовет, чтобы сельсовет послал их на фронт. Там наши красные солдаты и командиры наденут носки, их ножкам будет тепло, и они смогут быстрее идти вперед и прогнать фашистов. Тогда война кончится, и все папы вернуться опять к своим детям, и все люди смогут опять жить у себя дома.

Мама приходит вместе с Арно. Марийка хочет, чтобы мама тоже сплясала, но она не пляшет. Она только садится на скамейку, расстегивает верхнюю пуговицу пальто, сдвигает платок на затылок да так и сидит. Зато Арно прыгает до потолка и кричит: «Ура! Смерть фашистским оккупантам!» - и кидает вверх шапку, рукавицы и шарф. Мы с Марийкой опять прыгаем и кричим вместе с Арно.

Папа ничего не пишет про школу. И про то, какая у него деревня, тоже не пишет. Он только пишет, что работает в Тайге - так, наверно, деревня его называется. И еще он пишет, что у него все хорошо, и что там много-много елок стоит, и зимой очень красиво, и чтобы мама не беспокоилась - работа у него не тяжелая. Я никак не могу запомнить, кем он работает. Мама объясняет мне, что он говорит по-русски то, что говорят одни по-немецки, а потом говорит по-немецки то, что другие говорят по-русски. Мне непонятно, зачем папе надо обязательно говорить все не так, как говорят остальные. Но мама говорит, что так нужно, чтобы люди понимали друг друга, тогда они смогут хорошо работать. И еще она говорит, что у папы хорошая работа и что, слава Богу, это не деревья валить.

Про верблюдика папа ничего не написал; наверно, он хочет сразу привезти его. Я говорю маме, чтобы она написала ему, что он может и прислать мне верблюдика, не обязательно его с собой везти. Пусть снимет с какой-нибудь елки - там же много елок - и пришлет мне в письме. Но мама говорит, что в письме верблюдик весь изомнется и поломается. И правда, письмо от папы совсем измятое. Ладно, так и быть, я подожду, пока папа приедет.

Ночью мне снится папина деревня Тайга. Она большая-большая, и на всех улицах в ней стоят высокие елки, и все-все елки в игрушках, и блестят-блестят, и мы ходим с папой среди елок, и когда я говорю с ним по-немецки, он мне отвечает по-русски, а когда я говорю по-русски, он отвечает мне по-немецки. Это интересно, как игра, и я смеюсь, и папа смеется, и я теперь знаю, зачем папа говорит все не так, - это чтобы людям было весело. А потом мы срываем с елок маленьких серебристых верблюдинок. Мы набираем их много-много, и, когда мне уже некуда их класть, они вдруг падают у меня из рук прямо на белый снег. Я хочу их подобрать, но на снегу их совсем не видно. Я говорю об этом моему папе, но папа ничего не отвечает. Я смотрю вверх. Папа стоит и смотрит на меня. По его щекам катятся две большие слезы. Я показываю папе мои руки, в которых ничего нет, потому что верблюдинок не видно на снегу, но папа только смотрит на меня и молчит. Потом он начинает куда-то уплывать и уплывает, уплывает, пока не исчезает совсем.

Я хочу посмотреть папин след. Но если его раскрыть от снега, ему будет холодно. Я лучше вырою в сугробе нору, какую вырыли перед своим домом соседские ребята.

Лопатой рыть неудобно. Она тяжелая, и черенок у нее толстый. Как только я наберу на нее снегу, она крутнется у меня в руках, и весь снег опять сваливается с нее. Я беру кастрюлю, в которой мама растапливает снег, когда собирается мыть голову. С кастрюлей лучше. Я нагребая в нее снег и отношу в сторону.

Вот уже и камни. Я приношу веник, сметаю с тряпки весь снег, подметаю и в норе. Потом открываю след. Папин след такой же, как и когда я его закрывал.

Теперь я часто хожу смотреть папин след. В норе, под снегом, и правда теплее, чем снаружи. Когда я ухожу, я закрываю вход старой заслонкой от русской печки и присыпаю снегом.

Тетя Даша заходит теперь в дома и к немцам. Туда она тоже принесла уже несколько черных платков. А нам она носит только письма. Папа все пишет, что работает на той же работе и чтобы мама не беспокоилась. Потом писем долго-долго нет. А когда снег уже почти растаял и нора над папиным следом завалилась, мама и Арно привозят со станции какого-то дядю. Они снимают его с телеги и заносят на руках в дом. Они говорят, что это мой папа. Но это не мой папа. Его только зовут как моего папу - Фридрих Карлович.

Фридрих Карлович все время лежит на кровати, которую мама попросила у бабушки Семеныча, а вставать он не может. И сидеть он не может - мама подкладывает ему под спину подушки, и тогда он как будто сидит. Шея у него тонкая и длинная, и нос длинный, а глаза большие и смотрят так, будто перед ними совсем ничего нет. Где у папы щеки были, там у Фридриха Карловича глубокие ямки. Верхняя губа у него короткая, и он все время

показывает зубы. Когда я спрашиваю маму, почему Фридрих Карлович все время зубы показывает, она говорит, что это потому, что он худой. Но ведь я тоже худой, мама сама говорила, а я же зубы не показываю.

Каждый вечер теперь к нам приходят разные тети. Они расспрашивают Фридриха Карловича. Фридрих Карлович не может долго разговаривать. Он скажет несколько слов, потом долго дышит открытым ртом. Каждый вечер он рассказывает только одной тете про ее мужа. Так тети сами договорились. Но приходят они все. И часто плачут. Только они плачут не так, как мы с Марийкой. Мы когда плачем, то плачем и голосом, и носом, и глазами. А тети плачут только глазами.

Мама тоже с ними плачет. Она говорит:

- Подумать только, он все это время валил лес. А домой писал...

Фридрих Карлович закончит рассказывать и смотрит куда-то далеко-далеко. Все смотрят на него, но он молчит и даже не пошевелится. Только левый глаз у него иногда дергается. Это оттого, что у него над глазом глубокий шрам. Шрам у него от сучка, который упал с высокого дерева прямо ему на голову. Так Фридрих Карлович тетям сказал. А маме, когда она раньше его про шрам спрашивала, он не так сказал. Маме он сказал совсем по-другому, я это сам слышал.

- На партсобрание вели...- сказал он тогда и подышал. - Я уже не мог, упал... Прикладом...

Марийка тоже стала называть Фридриха Карловича папой. Она, наверно, как и мама с Арно, забыла моего папу.

Раз, когда все куда-то вышли, я подхожу к Фридриху Карловичу и спрашиваю:

- Скажи, а в твоей деревне на елках много игрушек было?

Он качает головой.

- А ты знаешь, где моего папы след?

Конечно, он не знает. Он только поворачивает ко мне лицо и глаза, которые не видят меня, потому что они как будто совсем засыпаны мягкой серой золой, и кладет свою руку мне на голову. Рука у него как кусок коры. Я отодвигаюсь, и рука падает на постель.

Если бы это был мой папа, он бы знал, где его след и как много игрушек на елках в красивой папиной деревне Тайга.

Сначала мама кормит Фридриха Карловича с ложки. Потом он уже сам пьет из стакана молоко. Он всегда просит еще, но мама дает ему только по полстакана.

Бабушка дедушки Семеныча принесла нам в кринке сливок. Она со своим дедушкой никогда не жила дома. Они всегда жили здесь, в деревне, поэтому и корову они дома не оставили. Их корову зовут Зорька.

Мама ставит кринку под лавку и говорит нам, что это только для папы.

Но поит она сливками, конечно, Фридриха Карловича. Сливки она дает ему тоже по полстакана. Он выпьет, и смотрит на кринку, и дрожит весь.

- Ах, Фриц, ну нельзя же тебе много, - говорит мама. - Потерпи еще несколько дней.

Сегодня ночью моя очередь лежать не рядом с мамой. Я лежу с краю. Справа от меня лежит Марийка, потом мама, потом Арно.

У нас только Марийка не лежит с краю - она ведь девчонка и никогда не будет красным командиром.

Марийка лежит сейчас рядом со мной, подтянула к животу ноги, обхватила мамину руку, уткнулась ей носом в плечо и сопит. Я обнял Марийку, уткнулся ей в шею. Попка у Марийки теплая, и вся она теплая, поэтому и мне тепло. Только сзади поддувает. Наверно, Арно с другого края потянул одеяло на себя - там от окна тоже дует. Я пробую перетянуть одеяло к себе, но не получается. Тогда я поворачиваюсь к Марийке спиной, чтобы погреть

немножко и спину. Марийкина попа сразу отодвигается от меня. Теперь места под одеялом уже больше, я укрываюсь и снова придвигаюсь к Марийке. Она еще ворочается немножко и пищит, но дальше ей двигаться некуда, и она успокаивается. Мне теперь тепло, и я засыпаю.

Во сне я вижу два сна. Сначала я вижу сон про папу. Этот сон какой-то темный. Наверное, потому, что папа далеко.

Сон про папу еще не кончился, как начался сон про Фридриха Карловича. Этот сон светлый, потому что когда мама ложится спать, она убирает табуретку от окна, и в комнате все видно.

Я лежу на полу около кровати Фридриха Карловича. Фридрих Карлович слезает с кровати, встает на четвереньки и ползет мимо меня. Рукой он опирается на мою ногу, но мне не больно, а он и не замечает. Он подползает к лавке, садится на пол, берет кринку со сливками и пьет. Он пьет долго, кринка у него в руках дрожит, и сливки капают ему на рубашку. Потом он опять становится на четвереньки и ползет обратно. Когда он ползет мимо меня, он тяжело дышит и на лице у него блестят капельки пота. Он, наверно, очень устал. У него же мало сил, он и ходить-то не может, а кринка тяжелая, я и то еле поднимаю ее.

- Что, тяжелая? - спрашиваю я его шепотом. Но он ничего не отвечает. Он даже не смотрит на меня. Он опять залезает на кровать.

Просыпаюсь я оттого, что мама громко плачет. Я спрашиваю Арно, почему мама плачет. Арно говорит, что Фридрих Карлович умер.

Потом к нам приходит много людей. Они пришли хоронить Фридриха Карловича. Схоронить - это значит отнести на горку за деревней и положить на солнышке. Там тепло и птички поют. Я хочу, чтобы меня до вечера тоже схоронили, но Арно говорит, что идти туда грязно, а ботинки у меня худые. Арно ведет меня к дедушке Семенычу. Я бы и сам дошел, да Зорька стоит у сарая. Зорька бодучая, и я ее боюсь.

Зорька трется боком об угол. Дома у нас тоже была корова. Весной она тоже терлась об углы. Это они так линяют. Арно тогда собирал старую шерсть и скатывал из нее мячик. Этим мячиком он играл потом с ребяташками на улице.

- Арно, - говорю я, - смотри, Зорька линяет. Ты скатаешь мне мячик?

- Ладно, - говорит Арно, - скатаю.

Арно хороший. Я его люблю.

Вечером Арно приходит за мной. Мы идем домой. Около угла дома, где был папин след, я останавливаюсь. Арно тоже останавливается.

Папиного следа больше нет. На его месте много следов от коровьих копыт.

На черных, в трещинах, торцах бревен налипли красные клочки шерсти.

- Арно, - говорю я, - давай соберем эту шерсть.

Арно ничего не отвечает. Он берет меня за руку и ведет домой.

Дома у нас прохладно. Мама в расстегнутом пальто сидит у стола, смотрит прямо перед собой и молчит. Марийка залезла на печь, укуталась и тоже молчит. Арно принес из сенок дров, достал из-за печки сухое полено и щепает лучинки, чтобы растопить печь. Он тоже ничего не говорит. Значит, и мне надо молчать и ни к кому не приставать.

Я не раздеваюсь, я только снимаю ботинки и залезаю на кровать, на которой лежал Фридрих Карлович. Постель с кровати уже сняли, и я хожу по доскам, как по полу. В углу над кроватью приделана небольшая полочка. На полочке лежат всякие бумаги, которые мама называет «документы». Трогать документы нам с Марийкой нельзя.

На полочке лежат и разные фотокарточки. Больше всего карточек, на которых мой папа сидит в середине, а вокруг него много-много детей. Фотокарточки нам можно трогать. Я люблю смотреть фотокарточки.

Я сажусь на кровать и раскладываю все фотокарточки, на которых дети, справа. Детей получается много-много. Я даже не знал раньше, что на свете так много детей. Интересно

только, куда они все делись? У нас в деревне детей не хватит даже на одну такую фотокарточку.

Потом я достаю с полочки другие фотокарточки. На них нет детей, на них только дяди и тети. Эти фотокарточки я раскладываю слева от меня. Вокруг меня получается много-много людей.

Многих из них я знаю.

Вот этого дядю с круглой штучкой на цепочке на гимнастерке зовут дядя Вилли. Это моего папы брат. Он воюет на фронте. Раз мы даже от него письмо получили оттуда. А недавно опять получили от него письмо. Он писал, что их всех, кто живой остался, собрали с фронта и отправили в Тайгу. Фридрих Карлович, когда мама показывала ему это письмо, сказал, что это хоть и далеко от него было, но все равно то же самое.

Дядя Вилли на фотокарточке улыбается. А вот этот дядя с усами и с саблей, который сидит на стуле, это мамин дядя. Он был буденовец. Буденовцы — это такие люди, которые скакали на лошадях с красным флагом и дрались с белыми. В одной руке у каждого красный флаг, в другой сабля. А кто такие белые, я не знаю. Знаю только, что они много людей убили там, где папа и мама жили, когда еще дома были, а меня на свете не было. Они и мамино дядю убили. Они ему голову совсем отрубили белой саблей. Поэтому когда его хоронили, то сначала в гроб положили его, а потом его голову,

А вот это мой родной дедушка. Потому что он папин папа. Он тоже с саблей и с наганом, только на коне. Мой дедушка был командир. У него был целый отряд, и все на конях. Дедушка дрался с Вакулиным, который ездил с бандой.

Бабушка часто говорила дедушке: «Бросил бы ты это, доберется до тебя Вакулин, плохо тебе будет». Но мой дедушка только смеялся и говорил: «Подожди, мать, я еще сам до него доберусь».

А потом Вакулин пришел ночью в деревню и окружил моего дедушку. А утром согнал всю деревню к церкви и повесил моего дедушку за шею на веревке. Дедушка весь день висел и не мог дышать и поэтому умер. Только вечером перерезали веревку и сняли дедушку.

Я очень люблю смотреть эти фотографии. Я только не люблю, когда мама рассказывает кому-нибудь про них. Я тогда затыкаю уши крепко-крепко, чтобы ничего не слышать, смотрю маме на губы и жду, когда она заговорит про что-нибудь другое. Слушать это очень страшно, мне всегда потом снится, что мне тоже отрубают голову гладкой прохладной саблей. Мне не больно, мне только очень страшно, что моя голова будет отдельно от меня и что я после этого буду, наверно, мертвый.

На карточке дедушка совсем как живой. Он похож на моего папу, и я долго-долго смотрю на него. Я его люблю. Я часто вижу его во сне. Он сажает меня перед собой на коня, и мы скачем с ним высоко-высоко над землей: я держу вверх красный флаг, а дедушка - саблю...

А еще у нас есть фотокарточка с трактором. Трактор идет по улице, а кругом много-много народу, и впереди ребятишки бегут.

И фотокарточка, где много дядей и тетя сажают маленькие тоненькие деревья, тоже у нас есть.

Я смотрю еще раз на все фотокарточки, разложенные вокруг меня, потом собираю их и кладу опять на полочку.

А это что тут за книжечка? Совсем маленькая и совсем тоненькая. Раньше ее здесь не было.

Я открываю книжечку. В ней тоже маленькая фотокарточка, только приклеенная. Это же мой папа! Мой па-апа-а... Он смотрит прямо на меня! Он смотрит так, будто очень старается быть строгим, но все равно видно, что он добрый. Так он смотрел на меня, когда мама говорила ему: «А наш Фрицик, папа, сегодня что-то не очень слушался». Папа делал

тогда такое же строгое лицо и говорил: «Ну-у? И в чем же дело, Фричик? Ну-ка, иди сюда, поговорим с тобой по-мужски».

Я любил, когда папа говорил со мной по-мужски. Он сажал меня рядом с собой на стул, и глаза у него были добрые-добрые, и я честно-честно все рассказывал ему. Он никогда меня не ругал. И все-все понимал! И говорил мне потом:

- Ну что ж, я только прошу тебя помнить, что маму огорчать не надо. Дело в том, - он наклонялся ко мне и говорил совсем тихо, чтобы только я слышал. - Дело в том, что к женщинам мы должны с тобой быть очень внимательными. Они ведь слабые, не то что мы, мужчины. Согласен?

Я был согласен с папой. И от разговора с ним становился почти такой же большой и сильный, как он. Только ростом был маленький. А папа говорил мне:

- Ну, я рад, что мы оба думаем одинаково. Всегда, знаешь ли, приятно иметь единомышленников... А теперь ты можешь подушить меня.

Я обнимал папу за шею и душил изо всех сил. После этого он уже не старался делать строгое лицо, как на фотокарточке...

Я соскакиваю с кровати:

- Мама! Смотри, мой папа!

Мама вздрагивает, поворачивается ко мне и берет книжечку.

- Это папин партбилет, сыночек, - говорит она.

- А что такое партбилет? - спрашиваю я.

- Твой папа был коммунистом, - говорит мама.

Но мне все равно непонятно.

- А кто такие коммунисты? - спрашиваю я.

Мама думает. Потом говорит:

- Коммунисты - это те, кто хочет, чтобы всем рабочим людям на Земле жилось хорошо.

Теперь думаю я. Я думаю о том, что раньше, когда мы еще дома жили, мы жили хорошо - ведь все так говорят.

- Мам, а когда мы еще дома жили, мы ведь рабочие люди были, да?

- Конечно, маленький.

Значит, правильно. Мы были рабочие люди, и нам было хорошо. А почему же теперь нам плохо? Может, мы уже не рабочие люди?

- А сейчас мы рабочие люди, мама?

- И сейчас тоже, - говорит мама.

Мне снова непонятно. Я долго думаю, но мне все равно непонятно.

- И мы на Земле живем? - спрашиваю я.

Мама смотрит на меня, как будто ей тоже что-то непонятно.

- Ну да, а где же? - медленно отвечает она, поворачивается ко мне еще больше и смотрит на меня, будто я очень болен. Потом она вдруг резко прижимает мою голову к груди, и на макушку мне одна за другой падают теплые капли.

2. Мама

Уже совсем стемнело. И холодно уже становится. Внизу, наверно, уже совсем холодно.

Мы с Марийкой лежим на печи. Печь еще чуточку теплая. Мы завернулись в одеяло и гадаем, что принесут мама и Арно.

- Сегодня они принесут хлеб, - говорю я. - Вот такой кусок.

Мне очень хочется хлеба. Мама уже давно-давно не приносила его. «Сейчас ни у кого нет хлеба», - говорит она.

Вчера они принесли пять вареных картошин и миску толстых картофельных очисток. Когда Арно будет дома, мы будем печь очистки в печи. Печеные, они вкусные-вкусные.

Шелуха на них почти вся сгорает, и, когда потрешь немножко пальцем, остается только белое.

А еще хорошо бы опять какая-нибудь тетя получила письмо из Тайги. Как тетя Берта тогда. Она пришла к нам, когда Фридриха Карловича уже похоронили, и принесла полкастрюли овсяной каши.

- Возьми... Твоим детям... - сказала тетя Берта, протянула кастрюлю маме и заплакала. - Мой младший, Эвальд, прислал письмо... Он совсем слабый был, похудел... норму уже не мог выполнять... паек меньше стал... Учитель давал ему от своего хлеба... спас его... Эвальд ведь был его ученик...

Мама тогда долго плакала и никак не могла успокоиться. Тете Берте пришлось даже стакан воды ей дать. Потом мама поставила кастрюлю на стол, и мы все стали есть кашу. И тетю Берту мама заставила есть с нами. Каша была еще вкуснее, чем печеные очистки...

Да, хорошо бы мама и Арно принесли хлеба. Может, сегодня у кого-нибудь будет и им дадут?

- Нет, хлеб они не принесут. Сейчас ни у кого нет хлеба, - повторяет Марийка мамины слова.

- А раньше был?

- Раньше у всех был, - говорит Марийка. - Дома у всех моих подружек был хлеб. Когда я долго играла у них, нам давали по куску хлеба. И когда у нас играли, мама тоже давала нам. Хлеб белый-белый и мягкий, и корочка такая... ну, хрустит которая. Мама намазывала на хлеб масло, а сверху посыпала сахар. Знаешь, как вкусно!.. С солью тоже вкусно,— добавляет Марийка.

- И у всех был хлеб? - спрашиваю я.

- У всех, - говорит Марийка.

Я люблю, когда Марийка про дом рассказывает. Ей повезло - мама купила ее раньше, и она ела белый хлеб с маслом, сколько хотела. А меня купили, уже когда хлеба ни у кого нет. Даже черного.

А может, Марийка выдумывает? Как это может быть, что у всех есть хлеб?! Откуда столько возьмется? Да еще белый. И с маслом. И с сахаром...

Выдумывает, конечно... Ну, пусть выдумывает. Все равно интересно.

- И папы у всех были дома? - спрашиваю я Марийку.

- Были, - отвечает она. Потом начинает плакать.

- Ты что плачешь? - спрашиваю я ее.

Она еще немного плачет, потом говорит:

- Ты меня про папу не спрашивай, а то я расстраиваюсь.

- Ладно, не буду... Есть хочется. И холодно. Может, печку растопим? - говорю я.

- Нет, мама не велела.

- А если они сегодня не придут?

Марийка молчит. Потом говорит:

- Придут. Всегда ведь приходили. Надо только не забыть сказать, что тетя Ида была.

Мы молчим. Зачем маму вызывают в сельсовет? Работы сейчас нет. Да и не может мама работать. Она болеет. У нее в животике что-то болит...

Тихо. На улице где-то скрипит снег. Скрип все ближе. Кто-то стучит в дверь. Мы соскакиваем с печи, Марийка бежит открывать, я выглядываю в сенки. Это мама и Арно пришли. Марийка обметает им снег с валенок.

Мама кладет на стол мешочек, снимает рукавицы, разматывает платок.

- Расстегни мне пальто, Фрицик, - садится она на скамейку.

Я расстегиваю ей пальто. Потом беру ее холодные руки и кладу себе на голову.

- Погрей, - говорю я.

Волосы у меня длинные. Мама запускает в них руки и трет их о волосы. Руки ее совсем не гнутся.

- Держи крепко, - говорю я и начинаю быстро-быстро крутить головой влево-вправо, вперед-назад. Аж голова закруживается.

- Согрелись? - спрашиваю я.

- Согрелись, спасибо, - говорит мама и приглаживает мои волосы.

Она идет к печи, открывает заслонку, разгребает кучку золы. Там еще есть уголек. Слава Богу, а то пришлось бы бежать за углями к дедушке Семенычу. Мама раздувает уголек, зажигает от него лучинку. В комнате становится светло.

Сейчас Арно быстро растопит печь, нагреет кипятку, и мы будем ужинать.

Нам хочется посмотреть, что принесли мама и Арно. Но лезть в мешочек нельзя. Нехорошо. Надо подождать, пока мы все сядем за стол и мама нальет кипятку в глиняные горшочки. Горшочки Арно принес из лесу. Там их развешивают на деревьях, чтобы в них стекала смола. Из них очень вкусно пить кипяток. Губы не обжигаются, и рукам не горячо. Когда мама нальет кипяток, она перевернет мешочек и высыплет все на стол.

Вот мы и за столом. Сегодня в мамином мешочке для каждого по две вареные картофелины и еще одна остается. Картофелины холодные и рассыпчатые. Они обвалялись в мешочке, и к ним прилипли всякие крошки. Мы счищаем крошки и посыпаем картошки крупной солью. Вкусно! Еще в мешочке кусок печеной тыквы,

- Это мне дали! - говорит Арно, показывая на тыкву. - Тетя хорошая попалась. Говорит, сядь, съешь кусок. Я говорю, нет, у меня дома сестренка и брат еще есть, не могу. Она говорит, ладно, все равно сядь. Если съешь, я тебе еще кусок дам, домой понесешь. Я хотел, мам, для тебя половину моего куса спрятать, а она заметила. Говорит, не съешь - не дам...

- Ладно, сынок, - говорит мама. - Мне тоже дали поесть там, где я платье перелицевала...

- А в другом доме дядька злой попался. Ты, говорит, что-то не совсем правильно по-русски говоришь. Ты кто? Я говорю, немец. А он: немец? И еще просишь, чтоб тебе подали что? Пусть фашисты тебе подадут! Мотай отсюда, щенок, пока цел! И выгнал меня. Я даже не успел сказать ему, что я совсем другой немец, что я пионер.

Арно шмыгнул носом.

- Успокойся, сынок. Люди ведь разные бывают. Все равно больше хороших.

- Стыдно, мам. Я уж стараюсь, чтобы правильно все по-русски сказать, а все равно сразу узнают, что немец.

- Ну что ты, сынок. Ты хорошо говоришь. Если бы я так умела...

Мы макаем картофелины в тряпочку с солью и слушаем маму и Арно.

- Ой, чуть не забыла, - говорит вдруг Марийка. - Мам, тетя Ида приходила, велела передать, что завтра утром всех вас в сельсовет вызывают. Обязательно-обязательно.

- А зачем вызывают, не сказала?

- Не сказала. Она сама не знает. Мама надолго задумывается и вздыхает.

- Ну ладно, давайте спать укладываться, - говорит она.

Мы расстилаем на полу пальто, стаскиваем с печи одеяло. Печь еще не совсем протопилась. В комнате прохладно, и не хочется вставать на колени, чтобы молиться. Молиться - это говорить что-нибудь Богу. Раньше мы не молились, а теперь молимся. Это дедушки Семеныча бабушка посоветовала маме. Она сказала:

- Ну и что ж, что не верите. А все равно молитесь. Какая-никакая, а опора. А так-то тяжело сейчас устоять. Пошатает-пошатает, да и опрокинет. Не-ет, во что-нибудь верить да надо.

- Да во что еще? - сказала мама. - Больше уж и не во что...

Когда дедушки Семеныча бабушка ушла, то Володина бабушка Луиза, которая тоже тогда у нас была, сказала маме:

- Умная старушка... Ну, мне-то на старости лет поздно еще раз начинать, а им вот, - она кивнула на нас с Марийкой, - может, и правда стоит.

Через несколько дней она принесла исписанные листочки, и мама научила нас молиться. А потом мама и сама стала. Только после всех нас.

Молиться - это хорошо. Как помолишься Боженьке, так сразу забываешь про все, что было днем, и начинаешь думать: что же Боженька завтра нам хорошего сделает? И всю ночь спишь, и ждешь, и радуешься.

Только вот не хочется на колени вставать, когда холодно. Раньше, если было холодно, мы читали молитвы лежа под одеялом. Но теперь мама строгая, она смотрит, чтобы мы хорошо молились. Если стоять на коленях, говорит мама, то Бог лучше услышит нашу молитву.

Первым читаю я - я самый маленький, и молитва у меня самая короткая.

У Марийки и Арно молитвы длинней. Я их тоже уже знаю наизусть.

Дольше всех молится мама. Я уже засыпаю, а она все стоит на коленях, что-то шепчет и просит у Боженьки.

Марийка сидит за столом и рисует нашим красным карандашом двор, который был у нас дома. У нас только один карандаш, это был папин карандаш, и у Марийки все получается красным: и двор, и дом, и наша корова Мета, и солнце, и деревья. Сейчас она рисует колодец во дворе. А потом она будет рисовать себя на крыльце с куском хлеба в руках. Я уже знаю это. Она всегда так рисует.

В сенках скрипит дверь. Это пришла мама.

- Ну что там было? - спрашивает Арно, который печет нам очистки.

- Да ничего. Просто собрание, - говорит мама и вытирает глаза.

Глаза у нее красные. Мы смотрим на нее. Мама замечает, что мы смотрим.

- Ветер на улице такой... - говорит она. - Прямо в глаза дует, натерла, даже больно.

Арно набирает горсть готовых очисток.

- Это маме, ладно? - говорит он нам тихо.

- Ладно, - соглашаемся мы.

Арно относит очистки на стол.

- Вкусные, мам, - говорит он. - Попробуй.

Мама ест очистки и смотрит куда-то далеко. Потом она говорит мне и Марийке:

- Идите погуляйте немножко на улице.

- Там, наверно, холодно, ведь ветер, - говорит Марийка.

- Да нет, ветер слабенький. Пойдите погуляйте.

И правда, ветра на улице почти нет. Но холодно. Мы скоро замерзаем и бежим домой. Арно сидит и плачет. Мама успокаивает его.

- Арно, ты что плачешь? - спрашиваю я.

Арно не отвечает. Отвечает мама:

- Мне надо в район съездить на несколько дней, вот Арно и расстроился. Но я скоро вернусь.

- А зачем в район? - спрашивает Марийка.

- Да так, вызывают что-то.

- А зачем вызывают?

- Ну ладно, ладно вам... Тоже уже глаза мокрые... Я вернусь, вернусь!..

Но тут мама сама начинает громко-громко плакать, и мы все за ней...

Вечером к нам приходит тетя Ида со своим Хайнчиком. Они пришли просто так, в гости.

Мы играем с Хайнчиком. Хайнца папа никогда больше не вернется, его насовсем схоронили в деревне Тайге. Тетя Ида и мама разговаривают. Тетя Ида говорит:

- Ну, ничего. Председатель сказал ведь, что в детдом устроят. Может, так даже лучше будет.

А потом еще говорит маме:

- Тебе хорошо. Тебя не возьмут. Со своими останешься.

- Ах, - говорит мама, - сейчас всех берут. Больная, не больная, на это не смотрят. Не то время. Сама ведь слышала, что в сельсовете сказали.

- Нет, не говори. - Тетя Ида как будто сердится на маму за то, что она больная. Даже начинает громче разговаривать. - Ты дома останешься.

- Перестань же, ради Бога, Ида, - говорит мама и кивает на нас.

- Да что перестань! - Тетя Ида, наверно, обиделась за что-то на маму. - Давай поспорим, что тебя не возьмут. Если останешься, дашь мне свои валенки, а я тебе мои.

- Ладно тебе, - мама тоже сердится. Ей, наверно, не хочется менять свои валенки, которые она сама подшивала, на стоптанные валенки тети Иды, из которых через дыры сзади выглядывают разноцветные тряпки. - Я бы всё отдала, чтобы только остаться.

- Ну, вот и хорошо, - радуется тетя Ида. - Валенки, считай, мои.

Марийка уже спит, Арно тоже спит. А я все не могу уснуть. Мама сегодня долго-долго стоит на коленях и молится.

Рано утром нам приносят две круглые буханки хлеба. Это, говорят маме, от сельсовета. Мама заворачивает одну буханку в белую тряпку и кладет на полку рядом с посудой.

- Это вам, - говорит мама. - Арно, разделишь это на четыре дня. Каждому в день по кусочку.

Потом мама немного глядит на вторую булку, берет нож и отрезает от нее кусок. Остальное кладет в свой мешочек. Кусок она разрезает еще на четыре.

Хлеб мягкий, а ножик острый, поэтому крошек почти нет. Только от хрустящей корочки на столе коричневая пыль.

- Это мышкам? - спрашиваем мы с Марийкой.

- Давайте дадим мышкам. Тоже, наверно, голодные, - говорит мама.

Мы с Марийкой собираем хлебную пыль в кучку, делим ее пополам и несем к печке. Там в полу две дырочки. Из них, если в комнате тихо, вылезают мышки. У нас у каждого своя мышка. Мы сыпаем пыль нашим мышкам и садимся за стол. Теперь все в доме будут завтракать.

Хороший все-таки сельсовет. Хлеб нам дал. А может, это Боженка нам прислал? Услышал, что мы хорошо молимся, и сказал сельсовету: вот те ребята хорошие, дай им хлеба... Надо будет не лениться вставать на колени.

- Ты так быстро не ешь, - говорит мне Марийка. - Так и не вкусно. Надо вот так отщипнуть немножко, положить в рот и сосать. Тогда и вкусно будет, и надолго хватит.

И правда, у меня уже от кусочка почти ничего не осталось, а у Марийки еще половина. Я пробую делать тоже как она, но у меня не получается.

- У меня не получается, - говорю я.

- Ты не жадничай, не глотай сразу, тогда получится.

Я пробую еще раз, но вкусный кусочек сам идет к горлу.

- Опять проглотил, - говорю я. У меня осталось только немножко от корочки.

- Не расстраивайся, маленький, - говорит мама. - Все равно ведь хлеб в животике.

На улице кто-то кричит. Мама вздрагивает. Она выпрямляется, встает и начинает быстро одеваться.

- Мама, а ты не насовсем уедешь? - спрашиваю я.

- Нет, маленький, я скоро вернусь. Вот как хлеб съедите, так и вернусь.

Папа тоже говорил, что скоро вернется, а все еще не вернулся. А может, мама попадет к папе и они вместе потом приедут?

- А ты к папе не попадешь? - спрашиваю я.

Мама опускается на скамейку. На темную потресканную пуговицу ее пальто падают слезы. Слезы падают и разбиваются на много маленьких брызг. Одна капелька попадает мне в глаз. В глазах у меня начинает что-то щипать.

На улице снова кричат. Мама притягивает меня и Марийку к себе, Арно тоже обнимает маму. Мы плачем.

В сенки стучат. Открывается дверь, входит чужой дедушка в тулупе и с бичом.

- Давай быстрее, Петровна, - говорит он. - Ах, мать твою, и тут тоже... - Он хлопает длинными рукавами по бокам. Мама плачет еще сильнее. - Ну, будет убиваться-то, будет. Давай, Петровна, пошли. Ехать надо... - Он немного слушает нас еще, потом сердито кричит: - А ну-ка, быстро собирайся! Ты чё, думаешь, ждать будем? Пешком пойдешь! Живо! В район опоздаем, ругать будут! Начальник сердитый! Быстро!

Мама встает.

- Молиться не забываете, дети, - говорит она. - Трубу рано не закрывайте... На улицу зря не ходите...

Это мама всегда говорит, когда уходит из дому. Наверно, и правда она ненадолго уезжает.

- Да пошли, пошли, - берет ее дедушка за рукав. - Багаж-то забыла... - Дедушка берет маленький мамин мешочек. - Э-э-э, и эта тоже одну буханку с собой берет. Что, на именины поехали? Вить сказано вам: на десять дней паек. Только в районе три дня будете, а там еще куды повезут, неизвестно... - ворчит дедушка. - Ну, выходи, выходи, и так уж давно надо было выехать.

Мама выходит на улицу. Мы быстро надеваем пальтишки и бежим за ней. На дороге стоит несколько саней. Мы видим, как мама садится на последние сани спиной к нашему домику.

Дедушка кричит:

- Но-о, трогай!..

Впереди защелкали бичи, заскрипел снег. Первые лошади уже бегут. Из их ноздрей, к которым примерзли сосульки, в дорогу бьют струи пара. Вот и последняя сдернула сани с места.

- Ма-ма! - кричим мы с Марийкой.

Мама оборачивается. Она видит нас, хочет прыгнуть с саней, но другие тети удерживают ее. Мы бежим на дорогу. Сани уже далеко. От них остаются две глубокие ровные полоски. Полоски становятся все длинней и все ближе подходят друг к другу. От телеги, на которой увезли тогда папу, тоже остались полоски. Только не такие ровные и красивые...

Лошади, сани и мама опускаются куда-то вниз. Вот осталась только одна дуга. Над ней поднялся и опустился бич.

Через два дня к нам приходят Роберт и Артур. Это друзья Арно. Они вместе с ним работают и ходят в лес за дровами. У них мамы тоже уехали в район. Они тоже остались с маленькими. У Артура двое, а у Роберта трое. Роберт и Артур хотят, чтобы мы все перебрались в один дом и жили вместе. Так, говорят они, веселее и дров меньше надо.

Арно соглашается с ними. Мы тоже радуемся — мы не будем оставаться весь день одни, а будем играть с другими ребятами. Мы будем играть в жмурки и в пять камешков и пуговицы на нитке крутить, так что аж гудит.

Мы собираемся, подпираем дверь палкой и идем все к Роберту - его домик самый большой.

Хлеб мы весь съели, а мама все еще не пришла.

Я хотел, чтобы мы его съели побыстрее, ведь мама сказала, что вернется, как только мы хлеб съедим. Но Арно сказал, что мама велела разделить его на четыре дня. Если мы не послушаемся маму, она может не вернуться.

Мы ели хлеб четыре дня, но мама все равно не вернулась.

Есть у нас больше нечего. У Роберта и Артура тоже. Сегодня мы еще ничего не ели. Арно, Роберт и Артур ушли куда-то утром. Мы все семеро залезли на печь. Нам сказали, чтобы мы в обед поспали, тогда нам не захочется есть. Мы поспали и теперь рассказываем друг другу, кто что видел во сне. Все видели один сон: вернулась мама и принесла с собой хлеба. Все уже рассказали свой сон. Отто и Эльза, которые меньше меня, стали плакать. Мы тоже начинаем потихоньку плакать. Мама говорила, что если у человека горе и он поплачет, то станет легче. И правда, когда мы поплакали, нам уже не так хочется есть. Мы начинаем играть в жмурки.

Когда начинает темнеть, приходят Арно, Роберт и Артур. Они приносят картошки. Сегодня мы ничего еще не ели, поэтому для каждого кладут в кастрюлю по две картошины.

После ужина каждый говорит:

- Спасибо тебе, господи, за хлеб наш насущный. Аминь.

Роберт говорит, что сегодня надо поблагодарить и председателя. Это он повел их к себе домой, слазил в подпол и дал им ведро картошки. Мы хором говорим:

- Спасибо тебе, председатель, за хлеб наш насущный. Аминь.

Еще через два дня ночью кто-то стучит к нам. Роберт подходит к двери, Арно и Артур берут свои топоры, с которыми они ходят в лес, и становятся рядом. Мы все проснулись и смотрим на них. Нам страшно.

- Кто там? - спрашивает Роберт.

- Роберт, это ты? - слышно из-за двери.

- Я.

- А мои здесь?

- А кто это?

- Мама Арно. Открой скорей.

- Ма-ма! - кричим мы с Марийкой и бежим к двери. - Ма-ма!

Остальные, наверно, думают, что их мамы тоже пришли. Они тоже вскакивают и кричат:

- Ма-ма!

Дверь открывается. Входит наша мама. Сначала мы не узнаем ее - она одета во все чужое. Она заходит и опускается на пол. Я кидаюсь к ней на шею - моя мама пришла! Я целую ее холодные щеки, нос, губы. Марийка хочет меня оттолкнуть, но я вцепился в мамин платок и не пускаю ее.

- А наша мама где? - спрашивает вдруг Эльза.

Я отпускаю маму. Все стоят вокруг нас, смотрят на маму и молчат.

- Она еще не пришла, - говорит мама. - Она потом придет.

- Когда? - спрашивает опять Эльза.

- Скоро, Эльзочка, скоро.

- А наша мама придет? - спрашивает Отто.

- Придет. Только не сегодня.

- Завтра?

- Нет, наверно, немножко позже... Сынок, - говорит мама Арно, - разденьте меня и принесите снегу. Я, кажется, вся обморозилась.

Арно быстро снимает с мамы старый чужой платок, расстегивает всю в заплатках телогрейку, стягивает дырявые тети Идины валенки, какие-то портянки.

- Ма-ам! - говорит он. - У тебя же ноги совсем белые!

- Да, сынок, - говорит мама. - Давай скорей снегу.

Пришла Володина бабушка Луиза. Пришли и другие бабушки. Они расспрашивают маму. Мама рассказывает, что комиссия началась только через три дня, и было очень много народу, и им пришлось долго ждать, пока их посмотрят. В последний день она молилась и обещала Богу, что если он сделает так, что она не пройдет комиссию, то в тот же день пойдет домой пешком. И вот она не прошла комиссию. «Куда ж ты такая, милая», - сказал ей врач. Мама отдала тетям, у кого было похуже, все свое, взяла их одежду и пошла. Был уже вечер, ее уговаривали: не ходи, ночь скоро, мороз вон какой, да и волки. Но мама пошла - она ведь обещала Богу, а слово надо держать. И всю дорогу опять молилась, чтобы волки не напали. И вот дошла, все хорошо. Только вот ноги немного...

Ноги у мамы начали чернеть. Внизу они черные, вверху белые. Между черным и белым красная полоска. Полоска каждый день поднимается выше. Мама все время лежит. Вчера приходил председатель. Он посмотрел мамины ноги и начал ругать ее:

- Да ты, Петровна, маленькая, что ли? Почему не позвала меня сразу? Ведь давно надо было в больницу...

Дедушка, который возил маму в район, пришел к нам опять. Он повезет маму в больницу. Там ей вылечат ножки, и она приедет.

Бабушка Луиза и бабушка дедушки Семеныча одевают и укутывают маму. Потом все вместе переносят ее на сани. Мы провожаем маму. Мы не плачем - мама скоро вернется.

Мамы уже давно-давно нет. Я гуляю по улице. На улице хорошо. Много снегу и не холодно.

На дороге разговаривают две тети. Я прохожу мимо.

- ...И что не согласилась, - говорит одна.

- Да, может, так и лучше, - говорит другая. - Что ж без ног-то за жизнь.

- Здравствуйте, тети, - здороваюсь я.

- Здравствуй, милый. - Одна тетя наклоняется ко мне, берет меня на руки и целует.

- Не надо, - хочу я опять на землю. - Я уже большой.

- Ах ты сердешный, - говорит тетя. - Ну иди, иди. - Она еще раз целует меня в щеку и опускает на землю.

- Мамы долго нет, - хочется мне поговорить с тетями. - Я скучаю.

- Конечно, миленький, конечно. - Одна тетя вытирает слезы. Наверно, она расстроилась, что я скучаю по маме. Мне жалко тетю. Я ее успокаиваю:

- Ну ничего. Она скоро приедет. Вот только ножки ей вылечат, - говорю я, как мне говорил Арно.

- Правильно, миленький, правильно. Ты молодец.

Я иду дальше. Я рад - я молодец.

3. Мария

В районе есть большой дом. Там живут только дети. Детей там много-много. Они играют там разными игрушками. Игрушек там тоже много-много. А еще там кормят три раза в день. И суп дают, и кашу, и хлеб. В этом доме хорошо.

Дедушка Семеныч везет нас в этот дом. Он сидит впереди в санях. Рядом с ним сидит Отто. Он самый маленький. Потом Эльза. Потом я. А сзади Марийка - чтобы я не выпал.

Напротив нас сидят тоже четверо. И один мальчик посередине. Мы едем пока без Арно. Арно потом приедет - он обещал. И будет жить с нами.

Мы уже долго едем. Выехали, как только светать начало, а теперь уже, наверно, обед. Мы опять замерзли. Дедушка Семеныч останавливает лошадь.

- А ну-ка, пробежимся, - говорит он.

Мы вылезаем из саней. Дедушка Семеныч тоже вылезает и идет рядом с санями. Он быстро уходит вперед, потом кричит:

- Догоня-ай! Шевели ногами!

Мы бежим по дороге. Если бежать, то становится тепло. Мы бежим, падаем, встаем и снова бежим. Последними подбегаем к саням мы с Отто. Теперь нам тепло, и мы опять садимся в сани.

Мы выезжаем из леса. Начинается большая-большая деревня. Домов здесь много-много, и людей тоже много. Это, наверно, уже район.

Мы подъезжаем к длинному-длинному дому. Дедушка Семеныч останавливает лошадь у крыльца и высаживает всех. Он заводит нас в дом. Там к нам подходит тетя.

- Ах ты господи, - говорит она. - Что же делать-то будем? Вчера без предупреждения привезли шестнадцать человек. Тоже таких. Мест-то уже нету. Как же мне быть с вами?

Она куда-то уходит.

В комнате тепло. Мы раздеваемся и садимся на скамейки. Хочется спать и есть. Дедушка Семеныч тоже сидит с нами. Он курит и молчит.

Тетя приходит.

- Ладно, - говорит она. - Трех возьму. А остальных попозже подвези. Недельки через две. Может, места будут: слабеньких много... Давай пока самых маленьких.

Она берет Отто, Эльзу и меня.

- А Марийку? - спрашиваю я.

- Ее потом, - говорит тетя. - В другой раз.

Я иду к Марийке. Я буду с ней. Я приеду с ней лучше в другой раз. Вместо меня тетя берет мальчика, который сидел в санях посередине.

Нам дают по тарелке горячего супа с картошкой и немножко гороховой каши. Вкусно. Наверно, тут всегда так вкусно готовят. Хорошо бы здесь остаться. Но после обеда мы опять одеваемся и едем домой.

Обратно ехать хуже. Темнеет уже и холодно. Лучше бы я остался в том доме. Там тепло. И суп дают. А сейчас приедем домой, и есть нечего.

Нет, нельзя мне было оставаться. Что ж, Марийка одна дома будет сидеть, когда Арно уйдет на работу? Да и Арно будет скучать без меня. Он сам говорил, что скоро приедет к нам, потому что ему скучно будет без нас. Вот, наверно, обрадуется, когда мы сейчас вернемся! Мы залезем на теплую печку и все трое будем там спать. Вместе!..

Я, наверно, уснул. Сани сильно дернулись. Я даже на бок упал. Я хочу опереться на Марийку и подняться, но ее что-то нет.

«А где же Марийка?» - хочу я спросить. Но тут сзади на дороге раздается громкий-громкий крик. Крик обрывается, и теперь слышно, как кто-то там рычит и визжит. Как будто дерется много собак.

Лошадь храпит и бежит быстро-быстро. Дедушка Семеныч стоит на коленях, все время бьет лошадь бичом и часто оглядывается назад. Сани кидает из стороны в сторону. Дедушка Семеныч пересаживает нас вперед, сам передвигается назад. Рядом с ним лежит ружье.

Впереди мы видим несколько огоньков. Это, наверно, уже наша деревня. Огоньки все ближе. Сзади, далеко, тоже огоньки. Их много. Мы быстро едем от них, но они почему-то тоже все ближе. Вот они уже совсем близко.

Это же собаки бегут! Их много!

Дедушка Семеныч два раза стреляет назад. Собаки сбегают с дороги и бегут с двух сторон к нам. Светит луна, и снег из-под их лап сверкает.

Дедушка Семеныч снимает свою большую шапку и бросает ее назад. Собаки опять прыгают на дорогу. Снова слышно, как они громко рычат и дерутся. Пока они дерутся, мы уже далеко.

Вот уже и деревня. Дедушка Семеныч быстро везет нас к своему дому, заталкивает всех на крыльцо, а сам перезаряжает ружье. Уже в доме мы слышим, как он стреляет еще два раза. Потом он заходит в дом.

- Что случилось? - испуганно спрашивает бабушка.

- Волки, мать их так, - говорит дедушка. - Еле отбились. Девка вот только одна выпала.

Мне вдруг становится тепло-тепло. Это, наверно, потому, что я в избе и одетый. Нет, наверно, не поэтому. Ведь я и раньше был одетый в избе, а так мне никогда не было. Мне тепло-тяжело. Нет, уже не так. Мне тепло-легко. Потому что все от меня куда-то уходит. У меня уже ничего нет - ни рук, ни ног, ничего. Наверно, от меня осталась только душа. Может быть, я умер? А почему тогда моя душа не летит к небу? Моя душа куда-то падает. Но мне не страшно - я падаю мягко. Я падаю как на вату. И правда, я опускаюсь на вату, на мягкую белую вату. Не-ет, это же не вата, это снег. А вот и дорога. По сторонам дороги все еще бегут по снегу собаки. Нет, это же не собаки. Это же волки. Дедушка Семеныч ведь сказал, что это волки. Волки бегут по сторонам дороги, и снег из-под их лап сверкает.

А вон на дороге еще волки. Они сбились в кучу и дерутся. Это же они едят Марийку!

«А-а-а!» - кричит Марийка. Мне тоже больно. Я тоже кричу. Нет, я не кричу, я только хочу крикнуть, но никак не могу. И сдвинуться с места никак не могу. Даже пошевелить ничем не могу. Я только смотрю, как волки едят Марийку. Один волк схватил ее зубами за лицо. А-а-а, мне больно! Я дергаюсь, чтобы вырвать мое лицо, но вижу только желтые зубы и красный язык. Я закрываю глаза, чтобы ничего не видеть. А волки всё рычат, дерутся и что-то грызут. Они грызут Марийкины кости! Я не могу слышать, как грызут кости! Я затыкаю уши, но все равно все слышу. Я чувствую, как острые зубы скребут по моим костям. А по сторонам дороги все бегут, мягко и тихо, другие волки, и медленно сверкает снег из-под их лап, а здесь волки всё рычат и дерутся, рычат и дерутся...

Куда это все пропало? Теперь просто темно. И совсем тихо. Рядом со мной кто-то дышит. Может, волки убежали и это Марийка рядом дышит?

- Марийка! - зову я.

Нет, это не я зову. Я только хочу позвать, а зовет кто-то другой вместо меня, потому что голос не мой.

- Фрицик, ты проснулся? - слышу я Арно.

- А где Марийка? - спрашиваю я.

- Бабушка, бабушка, - тихо зовет Арно. - Фрицик проснулся.

- Что? Очнулся? - слышу я голос бабушки дедушки Семеныча. - Ох, слава тебе, господи! Сейчас, я только свет зажгу.

Скрипит кровать. Значит, я дома? Но откуда у нас кровать? Ведь уже давно-давно, еще когда Фридрих Карлович умер, мама отнесла кровать обратно к дедушке Семенычу.

Становится светло. Я лежу на печке. Но это не наша печка - стенка с другой стороны. Рядом сидит Арно.

- Арно, а где Марийка? - спрашиваю я.

- Ты хочешь есть? - говорит Арно.

Я не хочу есть. Я хочу пить.

- Сейчас, сейчас, деточка, я тебе молочка дам, - говорит бабушка.

Она подает мне кружку. Я хочу взять кружку, но не могу сесть. И кружку держать не могу. Арно берет кружку, поддерживает меня и поит.

Я не напился, я хочу еще пить.

- Нельзя, деточка, - говорит бабушка. - Ты три дня в рот ничего не брал, желудочек, поди, весь сохся. Потерпи чуток, потом еще дам...

- Что, Федька, живой? - появляется из горницы дедушка Семеныч. Он в одних подштанниках, борода его сдвинулась набок.

- Живой, слава тебе господи, - говорит бабушка.

- Ну и молодец, - радуется дедушка Семеныч. - Давай поправляйся, я тебе лыжи сделаю, в лес с тобой пойдем.

Я давно хотел лыжи и в лес с бабушкой Семенычем сходить хотел. А теперь я не хочу идти в лес. И лыжи не хочу. Я ничего сейчас не хочу.

4. Арно

Арно собирается уехать. Он хочет разыскать нашего дедушку с бабушкой, которые мамины дедушка с бабушкой. Они попали куда-то в другую деревню, говорила мама, потому что в нашем поезде им места не хватило. Еще мама говорила, что это очень далеко. Это там, где живут казахи.

Арно никому не говорит, что он хочет уехать. Потому что немцам уезжать не разрешается. Если Арно поймут, ему будет плохо. Он сам так сказал.

Арно только не знает, что делать со мной. Сначала он хочет попросить бабушку Луизу взять меня к себе, пока меня в детский дом устроят. Но я не хочу к бабушке Луизе. Я хочу к бабушке Семенычу.

- Ладно, - говорит Арно. - Только не плакать, когда буду уходить. Договорились?

- Договорились, - обещаю я.

Мы идем к бабушке Семенычу.

- Дедушка Семеныч, - говорю я, - возьми меня к себе.

- А что такое? - спрашивает дедушка у Арно. Арно рассказывает ему, что хочет найти нашего дедушку с бабушкой.

- Куда ж ты, сынок, в такие холода? - говорит дедушки Семеныча бабушка. - Подождал бы хоть до лета.

Дедушка Семеныч ничего не говорит. Он долго думает и качает головой.

- Дедушка Семеныч, - говорю я, - возьми меня. Я буду тебе помогать. Я тебе носки свяжу. И бабушке свяжу. И по-немецки говорить научу.

Дедушка берет меня к себе на колени. Я глажу его бороду.

- Ну ладно, Федька, - наконец говорит он. - Так и быть, живи.

Я рад. Я крепко-крепко обнимаю дедушку Семеныча.

Бабушка сварила в чугушке картошки. Она укладывает ее в мешочек. Потом заворачивает в тряпочку соль и тоже кладет в мешочек. Это Арно на дорогу. Бабушка уложила уже всё, но мешочек наполовину пустой. Она задумывается. Потом лезет на печку, нагребает большой ковшиком семечек и высыпает в мешочек. Теперь он почти полный. Она завязывает его, садится на скамейку и подолом вытирает слезы.

- Господи, за что ж ты их так... - вздыхает она, потом поворачивается к иконе и быстро-быстро крестится.

Арно уже одетый. Он привязывает к концам мешочка веревочку, закидывает мешочек за спину и вдевает руки в лямки.

- Готово, - говорит он. - Спасибо, дедушка, - он подает руку дедушке Семенычу. - Спасибо, бабушка, - он целует бабушку в щеку. - До свиданья. Я скоро приеду за Фрициком.

Арно поворачивается ко мне.

- До свиданья, Фрицик, - говорит он. - Слушайся бабушку и дедушку.

Я забываю про все, о чем мы договаривались с Арно. Я спрыгиваю с дедушкиных колен и бегу к Арно. Я обхватываю его за шею и громко плачу.

- Не уходи, Арно, - говорю я. - Братик, не уходи. У меня ведь больше никого нет.

Арно крепко обнимает меня. Он тоже плачет.

- Я приду скоро, Фрицик, - говорит он. - Я только дедушку с бабушкой разыщу, а потом вернусь за тобой.

- Нет, - говорю я. - Папа тоже хотел вернуться, а не вернулся. И мама не вернулась. И ты не вернешься.

- Я вернусь, Фрицик, - говорит Арно. - Только дедушку найду, нашего дедушку.

- Не хочу нашего дедушку. Наш дедушка тоже уйдет и больше не придет. Я хочу с дедушкой Семенычем жить.

Арно ставит меня на пол и хочет расцепить мои руки. Но я еще крепче обнимаю его за шею.

- Нет, - кричу я, - нет...

Арно садится со мной на скамейку. Мы оба плачем. Потом он снимает шапку, расстегивает пальто.

- Арно, ты останешься? - спрашиваю я.

- Останусь, - говорит Арно и крепко прижимает меня к себе.

Я изо всех сил обнимаю его за шею. Я рад, что Арно остается. Он хороший. И он мой брат. Я его люблю. Я его люблю больше всех на свете.

Ночью мы спим рядом на печке. Я обнимаю Арно, а он обнимает меня. Мы долго шепчемся. Он мне рассказывает сказки.

Утром, когда я просыпаюсь, Арно рядом со мной нет. Пальто его тоже нет.

- Арно! - кричу я. - Арно!

Из-за печки выходит бабушка. Она несет что-то на тарелке.

- Где Арно? - спрашиваю я.

- Не плачь, деточка, - говорит бабушка. - Я тебе вот драников испекла, горяченьких, покушай иди.

Я спрыгиваю на пол и в одних носках выбегаю на крыльцо.

- Арно-о! - кричу я изо всех сил.

Кругом все тихо. Ночью выпал снег. От крыльца дома дедушки Семеныча ведут свежие следы. Они ведут к нашему домику. Там они поворачивают и по дорожке, мимо места, где был папин след, идут на улицу. Они ведут в ту сторону, куда увезли папу, куда увезли маму, откуда не вернулась Марийка.

- Арно, братик, а я? - тихо шепчу я и чувствую, что слезы у меня совсем холодные.

Две большие руки закрывают мне плечи.

- Пойдем, Федька, в избу, - говорит дедушка Семеныч. - Холодно.

5. Над водой только темный флаг

Мне и правда холодно. Дедушка Семеныч заводит меня в избу. Мне очень холодно. Я весь дрожу. У меня даже зубы стучат.

- Попей вот молочка и драников горяченьких покушай, - усаживает меня бабушка за стол.

Кружка дрожит у меня в руках. Зубы стучат о кружку. Кружка очень тяжелая. Я не могу ее больше удерживать. Я и сидеть больше не могу.

- Господи, опять, - слышу я бабушку.

Меня поднимают и куда-то несут. Меня несут на снег, потому что мне становится еще холоднее. Ну да, на снег. На свежий снег, который только что выпал. Вон еще и следы Арно... Следы Арно? Так по этим следам ушел Арно? Ну конечно. И если я пойду по этим следам, я догоню Арно. Только надо быстрее идти. Надо бежать. Вот так, быстрее, быстрее...

Как хорошо видно следы! Вот я пробегу по этим следам, и там будет Арно. Почему я сразу не побежал? Я бы давно уже догнал Арно.

Когда бежишь, становится тепло. Когда мы ездили в район, мы тоже так грелись. Мне уже не холодно. Мне уже жарко. Я даже весь вспотел. Но надо бежать, надо догнать Арно. Только вот следов его уже не видно. Это потому, что снег весь растаял. Снег растаял, потому что светит солнце. Солнце светит сильно-сильно. И дорога уже совсем сухая. Я все бегу по этой дороге, ведь по ней ушел Арно. Как долго я уже бегу! Наверно, день. Нет, больше, ведь уже снег растаял и везде сухо.

Где это я? Куда это я прибежал?

Ой, да это же пристань! Это же пристань у нас дома на Волге, где всех нас погрузили на пароход, чтобы довести до станции и потом на поезд пересадить. Нас погрузили, и когда пароход стал отходить от пристани, то все запели песню и стали плакать. И русские, которые на берегу стояли и на нас смотрели, стали плакать. Только солдаты с винтовками, которые сторожили нас, чтобы мы хорошо погрузились, не плакали. Потому что они настоящие солдаты и красные командиры и никогда не плачут. Они только опустили головы, чтобы лучше слышать песню.

Я и сейчас слышу эту песню! Она откуда-то сама себя поет...

Не-ет, она себя не поет. Она просто осталась здесь еще с нашего отъезда. Конечно, ее ведь к берегу пели, она так у берега и осталась.

А что же это я здесь стою? Почему я домой не бегу? Ведь отсюда наша деревня теперь совсем недалеко... Ну да, вот она уже, наша деревня. Вот и наша улица. И наш дом. Я его сразу узнал! Потому что он весь красный. Он точно такой, как Марийка его рисовала.

Вон и колодец с воротом во дворе. А около колодца кадушка стоит. В эту кадушку папа утром наливал воду, и днем Арно в ней купался. Ну конечно, он и сейчас купается в ней. И Роберт, с которым он вместе в школу ходит, купается с ним. Они в одних трусах и совсем мокрые. Даже мешочек у Арно на спине весь мокрый. А они всё обливают друг друга водой и хохочут, хохочут.

А вон на крыльце и Марийка сидит. В руках она держит большой кусок красного хлеба с маслом. Она ест хлеб и смотрит на нашу Мету. Мета трется об угол. Значит, Мета линяет, и мы с Арно скатаем мячик...

А какие большие куски сахара у Марийки на хлебе! Значит, она правду тогда говорила. А я думал, что она сочиняет.

А что же они сидят, как будто я дома? Ведь меня нету дома, а они и не беспокоятся. Может, меня собака укусила или колхозный бык забодал.

А может быть, они искали меня и не нашли? Я же далеко был, вон как долго бежал.

Ладно, я сам зайду во двор. Нет, я лучше крикну, и пусть меня ищут.

- Ар-но! - кричу я.

Арно перестает смеяться. Он оглядывается вокруг. Но я спрятался за воротами, и он меня не видит.

- Ар-но! - кричу я еще раз.

Арно начинает меня искать. Но разве он найдет меня? Я ведь маленький, меня трудно найти. Я вбегаю во двор.

- Вот я! - кричу я громко и бегу к Арно. - Я тебя догнал! Я тебя догнал!

- Мама! - кричит Арно. - Фрицик вернулся!

Из дома выбегает мама. Значит, ей уже вылечили ножки и она сразу домой пошла?

- Мой маленький, - говорит мама, берет меня на руки и целует и плачет. - Где ты так долго был? Ну, пойдем скорее к папе, он тоже ждет.

Значит, и папа здесь? Значит, мама все же попала к папе и они вместе пришли домой? Как хорошо!

Мы заходим в дом.

- Фриц, - говорит мама, - а ну-ка, посмотри сюда, кто к нам пришел!

- Ну-ну, и кто же это? - говорит папа. - О-о, неужели это Фрицик?! Ну конечно! - Папа приседает и широко расставляет руки: - А ну, бегом!

Я бегу прямо к папе в руки. Папа подхватывает меня и поднимает высоко-высоко, к самому потолку. У меня даже между ног что-то замирает, так высоко.

- Ну, подуши меня, - говорит папа.

Я давно не душил папу. И я уже большой и сильный. Сейчас я его так подушу, что он сразу ойкнет.

Я обнимаю папу за шею и тяну к себе изо всех сил. Папа даже глаза закрывает, так сильно я его душу. И он сразу говорит:

- Ой, Фрицик, отпусти меня. Ты такой сильный стал! Наверно, тебя уже скоро можно будет в школу с собой взять.

Я рад - я давно уже хотел сходить с папой в его школу.

Папа опускается со мной на пол. Значит, мы будем сейчас с ним бороться. Я люблю с папой бороться. Когда я за обедом съедал все, что мама накладывала мне в тарелку, я всегда папу перебарывал. Только сегодня, наверно, папа меня переборет, потому что я давно уже не обедал.

Но тут в дом входит Арно. Он говорит:

- Пап, можно, я Фрицика возьму в кадушке понырять?

- Ну ладно, идите, - говорит папа. - Мы после обеда поборемся.

Я люблю нырять с Арно в кадушке, и мы бежим с ним во двор.

Во дворе у нас откуда-то много-много народу. Я никогда еще столько народу не видел. Ой, да ведь это всё знакомые!

Справа во дворе одни дети. Они стоят и сидят большими группами, одна возле другой. И в каждой группе в середине сидит мой папа.

А слева сидят и стоят взрослые. Их тоже много-много, и их я тоже всех-всех знаю. Вон и дедушка наш. Он сидит на коне, в одной руке он держит красный флаг, а в другой опущенную саблю. А с шеи у него свисает обрезанная веревка. Конец веревки распустился и достает до сабли.

Я оглядываюсь назад. Папа вынес на крыльцо стул с высокой спинкой. Он сидит на стуле прямо-прямо и смотрит на меня. А рядом с ним стоит мама, она положила ему руку на плечо и тоже смотрит на меня. Они смотрят на меня и улыбаются. Значит, это они пригласили всех-всех к нам в гости? Как здорово!

А как жарко! Это потому, что печет солнце. Солнце печет сильно-сильно, даже голова болит. И трудно дышать. Я дышу всем ртом, но все равно никак не надышываюсь. Только во рту все пересохло, и язык такой... как сырые картофельные очистки.

- Пить, - хриплю я.

Бабушка дедушки Семеныча подает мне ковшик с водой. Она кладет мне руку на лоб и говорит:

- Господи, прямо горит весь!

Потом она опять расплывается и пропадает куда-то.

Солнце все так же печет. Только ногам стало прохладнее. Наверно, это потому, что вода, которую я выпил, в ноги ушла.

Нет, это потому, что земля во дворе прохладная. Она прохладная, потому что влажная. Наверно, Арно с Робертом побрызгали двор водой.

Не-ет, это не потому, что побрызгали. Это потому, что наш двор вдвинулся в Волгу. Кто-то двигает наш двор в Волгу, и он все дальше входит в нее. Ведь наш двор как большой-большой поднос. Только дно у него земляное, а по краю стенки из изгороди.

Вот наш двор уже весь на воде. Как хорошо! Наш двор плывет по воде, как пароход!

Здесь, на Волге, солнце светит еще ярче. Даже смотреть больно, и все небо в кругах, разноцветных и черных. А из этих кругов падают снежинки. Снежинки падают прямо в воду. А в воде из них получаются серебристые рыбки.

Не-ет, это же не рыбки. Это же верблюдики! Это же маленькие серебристые верблюдики! Упадет снежинка, и из воды выбулькивает верблюдик. Он вытянет длинную шею, стряхнет с себя воду и пойдет потом рядом со двором по воде. Снежинки падают густо-густо, и по всей воде идут медленно, подняв головы вверх, маленькие верблюдики. Как красиво!

А это что там за изгородью? Это катится телега. Телега катится по воде? Ну да, прямо по воде. Вода ведь ровная, гладкая, и телега катится по ней легко. Телега катится вдоль изгороди. Она катится к нашим воротам.

А кто это запряжен в телегу? Ой, да это же тетя Ида! Она упирается в воду своими старыми валенками и тащит телегу за оглобли. Из дырок в валенках торчат разноцветные тряпки. Тетя Ида тащит телегу и медленно вскидывает назад и в стороны ноги в валенках с тряпками.

А кто это у нее сзади на телеге? Ой, это ведь тоже тетя Ида! Как интересно: тетя Ида везет саму себя.

Та тетя Ида, которая сидит на телеге, смотрит на меня. Она смотрит на меня, хитро улыбается и манит меня пальцем. Зачем она зовет меня к себе? Она хочет поменяться со мной валенками? Но у меня ведь нету валенок, я же босиком.

А может, она хочет, чтобы я покинул наш двор? Она что, думает, что я смогу быть без нашего двора? Без нашего двора, где живет моя мама, и мой папа, и Арно, и Марийка, и все-все, кого я люблю? Как же я могу их всех покинуть? И ведь я уже большой и должен теперь помогать содержать двор в порядке... О чем себе думает тетя Ида?

Но, может, она тоже хочет заехать к нам во двор и зовет меня, чтобы я открыл ей ворота? Но ворота ведь нельзя открывать, ведь тогда в них польется вода, и наш двор уйдет под воду, и нас больше никого не будет. Разве она этого не знает? Зачем же она зовет меня?

- Зачем ты зовешь меня? - спрашиваю я, но она молчит.

И тут я замечаю, что наш двор уже далеко-далеко отошел от берега в Волгу... Не-ет, это, наверно, уже не Волга. Конечно, это не Волга! Это другая вода. Потому что нигде не видно берега. Кругом одна вода. Где же мы плывем? И куда мы плывем?

А как же я теперь назад побегу? Я ведь хочу побежать назад, к дедушке Семенычу и его бабушке. Я хочу побежать за ними, чтобы привести их сюда, чтобы они тоже были здесь, с нами. Я хочу, чтобы они были с нами, потому что я их люблю. И тетю Дашу я люблю - она добрая, она всем черные платки разносит, пусть она тоже будет с нами. И председатель, который картошки нам дал, пусть будет с нами. Я их всех приведу. И мы будем жить все вместе, на одном дворе. И всем будет хорошо.

Только как я теперь побегу за ними? Когда наш двор опять пристанет к берегу и станет на свое место?..

Телега, которую тащит тетя Ида, уже у ворот. Тетя Ида, которая сидит на телеге, снова манит меня пальцем. Она уже не улыбается. Она смотрит на меня страшно-страшно.

- Нет! Я не открою ворота!

Тогда другая тетя Ида, которая тащит телегу, согнутым пальцем строго стучит в ворота. Тук. Тук. Тук.

Я качаю головой: нет!

Она снова стучит. Тук. Тук. Тук. Теперь уже обе тети Иды смотрят на меня страшно-страшно.

- Не-ет! - хочу я крикнуть. - Не-ет!

Но я не могу крикнуть. Я и пошевелиться не могу. Потому что мне так страшно, что вся кожа у меня сделалась колючими мурашками и волосы на голове шевелятся.

- Не-ет! - кричу я без голоса, но тут обе тети Иды враз бьют ногами в наши ворота, задвижка с них слетает, и они широко распахиваются. Я вижу, как телега катится дальше и как обе тети Иды смотрят на меня и злорадно улыбаются. А в ворота несется вода. Она сбивает меня с ног, несет меня по двору, заворачивает и тащит обратно к колодезю. Вместе с ведром, размотав цепь, она падает подо мной в колодезь, а я успеваю обхватить ворот руками и держусь за него крепко-крепко.

Отсюда, сверху, мне видно всех, кто был у нас во дворе. Вода доходит им уже до пояса, но они молчат и даже не пошевеливаются. Почему же они молчат? Ведь надо кричать, ведь вода бежит в наш двор! Почему же они все стоят, ничего не делают и молчат?!

- Почему вы молчите? - кричу я, держась из последних сил над колодезем. - Почему вы ничего не делаете? Ведь наш двор тонет!

Но меня, наверно, никто не слышит, ведь я кричу без голоса, потому что голоса у меня почему-то совсем нет.

Я смотрю туда, где с моим папой были дети. Там уже всех залило. Только папину голову в нескольких местах еще видно над водой. Папа смотрит куда-то далеко и тоже молчит.

Ой, что это? Да ведь у него на лбу шрам! Точно такой, как был у Фридриха Карловича! Откуда это у него?

Я смотрю в другую сторону. Да ведь такой шрам, оказывается, у всех, кто был у нас во дворе! Даже у детей видно маленькие шрамики. И у меня такой шрамик, я его тоже вижу. Так вот почему мы все ничего не можем сделать и даже крикнуть не можем! Только у моего дедушки нет шрама.

А вода все поднимается, поднимается. Она скрывает плечи, плещет по лицам, которые даже не дрогнут. Вот и глаза уже смотрят из-под воды, все так же куда-то далеко. Вот и шрамы скрываются под водой.

Шрамов больше нет. Никаких шрамов больше нет. Потому что никого больше нет.

Теперь над водой остался один мой дедушка. Это потому, что он сидит на коне. Он все так же держит одной рукой флаг, другой саблю.

Бревнышко, за которое я держусь, снялось из петель, и я плаваю вместе с ним на воде. Но меня никуда не уносит: наверно, цепь зацепилась за сруб и не отпускает меня от нашего двора.

Двор опускается все ниже. Скоро скроет и дедушку, и тогда я останусь совсем один на этой воде. Что мне тогда делать?.. Нет, я не хочу быть один. Я хочу быть со всеми, кто был у нас во дворе. Да, я хочу быть со всеми.

Со всеми? Значит, мне тоже надо уйти под воду? Ну да, мне тоже надо уйти под воду. Мне просто надо отпустить бревнышко. Я ведь не умею плавать на этой воде — и сразу уйду под воду. И буду вместе со всеми.

Только можно ли мне это сделать? Ведь я остался один от всех, и если я тоже уйду под воду, то не будет уже никого. Даже помнить некому будет о том, что мы были и что у нас был свой двор.

Но зачем еще помнить об этом? И почему один я должен и быть, и помнить? Я не могу больше. Я уже хотел все забыть, но не могу. Я ничего не могу забыть. Но и помнить все это и быть я тоже не могу.

Что же мне делать? Я уже так от всего устал. Я столько лет бежал к дому, который теперь под водой! Столько лет меня носит по другой воде! И столько лет я из последних сил держусь над колодезем! Я больше не могу. Я тоже хочу под воду. Чтобы все забыть. И чтобы больше не быть.

Я смотрю на дедушку: дедушка, ну можно, я тоже уйду под воду, ко всем? Зачем еще ждать? И чего ждать? Ну скажи мне, что можно. Дедушка, скажи! Ну пожалуйста!

Я смотрю на дедушку. Я смотрю на дедушку и вижу, что веревка у него на шее начинает двигаться. Наверно, дедушка хочет мне что-то сказать! Наверно, он хочет разрешить! Ну же, дедушка!

Но дедушка молчит. Это, оказывается, вода двигает веревку. Вода поднимается все выше и начинает медленно скрывать моего дедушку.

В последний раз я смотрю вокруг. Над водой, над темной водой, ничего больше нет. Один только темный флаг. Под ним чуть вздрагивает веревка.

В Указе от 28 августа 1941 года... в отношении больших групп немцев — советских граждан были выдвинуты обвинения в активной помощи и пособничестве немецко-фашистским захватчикам.

Жизнь показала, что эти огульные обвинения были необоснованными...

(Из Указа Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 года)

1969-1973